

Виктория Шнайдер
Екатерина Мелкова

ОТСТОЯЛА ХУТОР
— СВОЕГО —
МУЖИКА

Екатерина Мелкова

Отстояла хутор своего мужика

«Автор»

«Автор»

2026

Мелкова Е.

Отстояла хутор своего мужика / Е. Мелкова — «Автор»,
«Автор», 2026

Старший ревизор банка Алёна приезжает на хутор, чтобы отобрать его за долги. Но вместо холодной процедуры она встречает Степана — сурового сыродела и ветерана войны. Между ними вспыхивает страсть, а Алёна раскрывает подлог в банке. Теперь ей предстоит выбрать: карьера или любовь, закон или справедливость. Вместе со Степаном она вступает в схватку с коррумпированным банкиром и бандитами, чтобы спасти хутор, спасти любовь и отстоять правду.

© Мелкова Е., 2026

© Автор, 2026

© Автор, 2026

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	10
Глава 3	14
Глава 4	18
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Виктория Шнайдер

Отстояла хутор своего мужа

Отстояла хутор своего мужа

Виктория Шнайдер

Екатерина Мелкова

Глава 1

Стеклоочистители нашей служебной «Тойоты» с надрывным повизгиванием размазывали по лобовому стеклу серую кашицу из предгорной глины и ледяной водяной пыли. Я впи-лась пальцами в гладкую кожу портфеля, чувствуя, как внутри нарастает холодное раздраже-ние. Последние сорок километров по разбитому Белореченскому серпантину превратили мою расписанную по часам столичную командировку в форменное испытание на прочность: мои дорогие итальянские шпильки жалобно упирались в резиновый коврик салона, а в ушах зве-нело от затяжного подъема на перевал.

— Алёна Дмитриевна, мы на месте, — буркнул водитель Денис, нервно передергивая плечами и глуша мотор. — Дальше дороги нет. Только этот хутор, а за ним скала и лес. Хмарь какая-то несусветная прет с хребта, барометр в часах на глазах валится. Если за час не обер-немся — река внизу вспухнет, мост через Белую деревянный, на честном слове держится.

— Никаких «если», Денис. Ровно сорок минут на вручение акта, опись залоговой базы и опечатывание контура, — отчеканила я своим привычным, замороженным тоном старшего ревизора банка «Кредит-Инвест». — Господин Коршунов три месяца не выходит на связь и уклоняется от обслуживания кредитного транша в двадцать восемь миллионов. Для меня это процедура дефолта: вручить акт, сверить имущество, закрыть дело. Жди в машине с включен-ным зажиганием.

Я толкнула тяжелую дверцу седана. Ледяной порыв шквалистого ветра мгновенно полос-нул по лицу, выбивая из-под кашемирового пальто аккуратно уложенные пряди волос. Тон-кие замшевые туфли с чавкающим звуком сразу же ушли на три сантиметра в мокрую рыжую жижу, щедро перемешанную с обломками известняка и прошлогодней щепой.

Я стиснула зубы и подняла взгляд.

Передо мной высилась циклопическая каменная усадьба. Казачий бастион вековой кладки из дикого горного доломита, вросший основанием прямо в гранитные выходы скалы. Из круглой кирпичной трубы над кровлей низко стелился густой, горьковатый дым с отчетли-вым смолистым духом буковых дров.

У бревенчатого навеса возле широкой телеги стоял мужчина.

Он разгружал тяжелые щиты слитным, размеренным движением, словно сам был частью этого дикого каменного пейзажа. Широленные плечи, обтянутые мокрым от мороси серым свитером крупной вязки с закатанными по локоть рукавами; литые предплечья с вздутыми венами, покрытые темным жестким волосом; потертый фартук из сыромятной буйволиной кожи. Коротко стриженные волосы тронуты серебристой проседью на висках, а по правой скуле от виска к углу волевой челюсти тянулся рваный белесый шрам — след осколочного ранения.

На одном плече он легко, словно пуховую подушку, держал пятидесятикилограммовый поддон из цельного кавказского дуба.

— Степан Андреевич Коршунов? — громко произнесла я, переступая через пенящийся ручей и подходя вплотную к телеге. — Я старший ревизор Департамента специального кон-троля банка «Кредит-Инвест» Алёна Дмитриевна Соколова. Распишитесь в получении требо-вания банка о сохранности залога и допуске к проверке.

Коршунов дошел до стопы щитов. Он с глухим стуком сбросил дубовый щит в общую стопу, выпрямился во весь свой огромный рост — на голову выше меня, — и посмотрел мне в глаза из-под тяжелых нависших бровей. Его взгляд лениво скользнул по моим промокшим насквозь туфлям, тонким носкам и заляпанным грязью брюкам.

— Банковская бумага — банковской бумагой. Останавливать цех ты по ней сюда пришла? — голос у него оказался низким, с густым грудным рокотом, от которого у меня внутри что-то мелко завибрировало. — Посторонись, ревизор. Дерево под дождем набухнет.

— По условиям залогового договора банк вправе осмотреть имущество и потребовать его сохранности! — я шагнула прямо в колею, перегородив ему путь к телеге, и вскинула подбородок. — Не заставляйте меня вызывать наряд судебных приставов прямо к вашим воротам!

Степан замер в полушаге от меня. От него пахло можжевелевой смолой, свежим ветром, буковой гарью и плотным, теплым ароматом топленого молока. Этот густой мужской запах ударил мне в голову, заставив на миг сбиться с дыхания. Коршунов усмехнулся одним уголком губ.

— Приставы сюда по такой хляби три часа ползти будут на лебедках, — негромко произнес он, глядя мне прямо в переносицу. — А ты через десять минут ноги сотрешь в этой городской обуви и сляжешь с воспалением. Заходи под навес, раз приехала. Разговаривать под ливнем я не нанимался.

Он развернулся и зашагал к арочному portalу цеха, закинув на плечо двадцатипятикилограммовый мешок с крупной каменной солью. Я рванула за ним, намереваясь встать в проеме и не допустить сырье в производственную зону.

— Стойте! Я фиксирую факт воспрепятствования законной проверке!

Я выхватила из кармана смартфон и вскинула камеру. Но экран мигнул, деления антенны в верхнем углу судорожно дрогнули и сменились мертвой надписью: «Нет сети». Телефон искал сигнал за каменными стенами, в глубине ущелья. Я дважды набрала Москву; вызов сбрасывался до первого гудка. Я осталась один на один со своей кожаной папкой и этим молчаливым великаном.

Внутри цеха пахло так, что у меня перехватило дыхание. В зале стояло живое, первозданное тепло сырного таинства: сладковато-сливочный дух свежесваренного молока, прокаленной меди, горного чабреца и чистейшего ключевого пара. По швам медного котла блестели капли конденсата. Каждая латунная заклепка сияла, а пол из речного булыжника был вымыт до зеркального скрипа.

В центре зала, опираясь на массивные латунные лапы, возвышался гигантский трехтонный медный котел, окутанный клубами белого пара.

Я увидела на стене распределительный щит и решительно направилась к черному эбонитовому рубильнику: — Требую остановить варку до осмотра залога! Сейчас отключу питание!

— Не трожь железо, оглашенная! — из-за медной стойки выскочил сухопарый, жилистый старик в белом холщовом фартуке поверх овчинной безрукавки — дед Матвей. Он замал на меня узловатыми, обожженными руками. — Там три тонны утреннего парного, наши и соседних хозяйств надои! Зерно только схватывается! Остынет котел — белок хлопьями ляжет, сегодняшнюю варку псу под хвост спустишь!

— У меня предписание о риске порчи залога! — упрямо выкрикнула я, протягивая руку к рубильнику.

В следующую секунду широкая, тяжелая и обжигающе горячая ладонь Степана накрыла мое запястье в воздухе. Его хватка походила на стальные саперные клещи: пальцы легли выше сустава, большой палец придержал ладонь. Я дернулась и почувствовала, как он удержал запястье на месте. Мое сердце испуганно заколотилось о ребра, а по коже от его прикосновения прокатилась жаркая, судорожная волна.

— Руки, — негромко, прямо мне в лицо выдохнул Степан. В его серых глазах плескалась холодная сталь. — Сначала смотри, что уничтожаешь, ревизор.

Удерживая мое запястье, он развернул меня к открытому жерлу котла. Там, в золотистом мареве пара, медленно вращалась ослепительно белая, густая молочная река, пахнущая миндалем и ванилью.

— Я не экскурсант, Степан Андреевич, — я с трудом вернула голосу ледяное спокойствие, выдернув руку, как только он ослабил хватку. — Если заявляете высший сорт — предъявите журнал кислотности и ветеринарные свидетельства формы номер один.

Коршунов молча достал из застекленного шкафчика толстый журнал в кожаном переплете и протянул мне швейцарский высокоточный рН-метр марки Меттлер. Я натянула перчатки, опустила стеклянный электрод в молочную пену и заглянула в ведомость.

В журнале лабораторных анализов стояли: плотность — 1,030; соматические клетки — меньше ста тысяч на миллилитр; белок — 3,6 процента. Прибор показал рН 6,55. Мои пальцы дрогнули. В Москве в ликвидационной записке зампреда правления Рябова черным по белому значилось: «Примитивное подворье с фальсификацией сырья и критической антисанитарией». Передо мной же было производство, превосходившее швейцарские артели кантона Граубюнден.

— Допустим, сырье чистое, — я нервно перевернула страницу, переходя к деревянной конторке в углу зала. — Но откуда дефицит в двадцать восемь миллионов рублей? Где три плановых платежа по основному долгу? Почему счета пусты, а банкротный иск передан в суд? Это умышленный вывод ликвидности!

Степан подошел к конторке, оперся кулаками о мореный дуб столешницы и навис надо мной. Его лицо потемнело.

— Потому что ваш банк заблокировал наш клиент-банк ровно через два часа после того, как ресторатор Аркадий перевел нам аванс за выдержанную партию. Мне заявили, что произошел сбой авторизации, а через неделю прислали бумагу о досрочном истребовании всей суммы кредита!

— Не лгите мне! — вспыхнула я, доставая банковскую выписку. — Здесь официальный протокол департамента рисков: заемщик проигнорировал пять заказных писем и отказался вносить средства в кассу!

Степан глухо зарычал, шагнул к тяжелому несгораемому сейфу у стены, провернул механический лимб и выдернул из металлического нутра пластиковый конверт.

— Читай, москвичка! Своими холеными глазами читай!

Он швырнул мне на ватман плотный серый бланк. Приходно-кассовый ордер номер 4409. Дата — сорок дней назад. Личная подпись кассира центрального отделения и круглая синяя печать банка «Кредит-Инвест». Сумма: 6 000 000 рублей наличными. Назначение: гашение тела кредита КФХ «Коршунов и сыновья».

У меня пересохло в горле. Этого документа не было в ликвидационном деле. По выписке шесть миллионов рублей оставались на счете невыясненных сумм филиала, пока Рябов подписывал приказ о моем выезде на ликвидацию. Меня использовали как слепое орудие расправы.

В этот момент стеклянная дверь тамбура с грохотом распахнулась. На пороге стоял Денис — бледный, мокрый, с дикими глазами: — Алёна Дмитриевна! Уезжать надо! С перевала водяной вал прет, оползень сошел в полукилометре! Если сейчас мост не проскочим — нас тут на неделю отрежет! Плевать на этого фермера, поехали!

— Денис, жди в машине, я перепроверяю ордера! — крикнула я, прижимая бланк к груди. — Здесь уголовное дело, понимаешь?! Подлог в бухгалтерии головного офиса!

— Сама тут подыхай! — взвизгнул шофер, захлопывая дверь. — У меня дети дома, я ведомственную тачку в селе хоронить не нанимался!

Взревел двигатель, за окном с визгом провернулись колеса, вздымая фонтаны рыжей глины, и красные габаритные огни «Тойоты» исчезли в пелене дождя за воротами. А спустя полминуты на бревенчатой стене надсадно захрипела ламповая армейская рация Р-105: — Коршун, я Застава! Мост через Белую смыло водяным валом! Дубовые быки выбило, пролета нет! Хутор отрезан от тракта!

Я медленно опустила руки. Шелковая блузка промокла от косого сквозняка, ноги в испорченных туфлях заledenели. Я осталась на краю земли, без машины, без связи, в эпицентре надвигающейся стихии.

Степан молча подошел ко входу, с грохотом задвинул кованый полупудовый засов, отсекая вой бури, затем снял с гвоздя свою тяжелую брезентовую штормовку на овчине и властным, скупым движением опустил мне на плечи.

Огромная куртка укутала меня почти до колен. От нее исходило сухое, смолистое, звериное тепло. Я невольно зарылась лицом в воротник, чувствуя, как мелкая дрожь в теле начинает отступать.

И в эту же секунду лампы под потолком судорожно мигнули, в дизельной за каменной стеной раздался металлический скрежет, надрывный хлопок — и воцарилась глухая, мертвая темнота.

Глава 2

Матвей поднял фонарь; я шагнула на его свет.

Тьма в цеху сделалась плотной, осязаемой. Лишь узкий луч аварийного шахтерского фонаря в руках деда Матвея метался по медным бокам затихающего котла. Без электричества встал циркуляционный насос, стрелка манометра пара дрогнула и медленно поползла вниз.

— Всё... пропали... — старик судорожно затряс ключами, хватаясь за сердце. — Форсунку на дизеле пробил! Распыла нет, соляра в выхлопную летит! Запасная запасная форсунка в нижнем сарае лежит, в саперном рундуке Степана... Да разве ж дойдешь? Нижний двор залило в колено, крышу сарая ветром пополам вскрыло!

— Где Степан? — резко спросила я, сбрасывая с ног мокрые туфли и оставаясь босиком на холодном булыжнике.

— К дизелю побежал, топливную систему разбирает! Бежать надо, да я впотьмах ноги на камнях переломаяю!

— Я с вами, — я подобрала полы тяжелой мужской штормовки и вырвала у старика чугунный фонарь. — Шагайте за мной след в след, светить буду под ноги.

— Куда тебе, краля московская! — заохал Матвей. — Утонешь в глине!

— Мой отец был начальником партии на севере Якутии, дедушка, — отрезала я, толкая дубовую дверь во двор. — Я в тайге с детства по колено в грязи ходила. Вперед!

Во дворе нас встретил ревущий водяной ад. С неба низвергнулся сплошной ледяной поток. Вода бурлила вокруг щиколоток, сбивая с ног, ветер рвал брезент штормовки. Мы с трудом преодолели двадцать метров раскисшего двора и ввалились в старый бревенчатый сарай.

В сарае вода била прямо сверху: половину тесовой крыши сорвало шквалом, и с разорванных стропил хлестал настоящий водопад, превращая пол в грязное болото. Потoki воды неслись прямо на деревянные стеллажи, смывая ящики с крепежом и картонные коробки с сальниками.

— Вон он, ящик! — дед Матвей указал дрожащим пальцем в дальний угол.

Там, в мутной воде, темнел армейский металлический рундук защитного цвета, но добраться до него было невозможно: сверху рухнул массивный буковый верстак весом около двух центнеров, придавив крышку намертво.

Вода хлестала прямо на инструмент. Я огляделась, увидела перевернутое оцинкованное корыто для поила, подтащила его к стропилу и подставила под водопад, направив основной поток в дренажный сток у порога. Напор спал.

— Лом ищи! — крикнула я старику. — Нам нужен рычаг!

Матвей кашлял, задыхаясь от сырости. Я сама метнулась к верстаку, нащупала в полутьме тяжелый граненый саперный лом, подтащила сухой буковый чурбак и с размаху вогнала кованое острие под угол верстака. Уперев лом в чурбак, я навалилась на длинное плечо всем весом своего тела.

Мышцы спины обожгло болью, жилы на шее натянулись. Верстак со скрипом подался вверх на двадцать сантиметров, освобождая крышку рундука.

И в этот миг из темной щели под верстаком, из грязной прелой соломы, раздался слабый, дрожащий, отчаянный писк: — Ме-е-е...

Я замерла, удерживая лом бедром, и опустила луч фонаря вниз.

В ледяной грязи лежал крошечный, чисто-белый новорожденный козленок. Его заднее копытце намертво захлестнула петля ржавой колючей проволоки, упавшей со стропил. Малыш дрожал мелкой, смертной судорогой, его мокрая шерстка слиплась, глаза были полузакрыты.

— Держи лом, Матвей! Держи, ради бога! — закричала я.

Я упала коленями в ледяную жижу; вода мгновенно пропитала брюки. Мои озябшие пальцы вцепились в ржавую проволоку. Старая сталь впивалась в кожу. Я отдернула пальцы и крикнула Матвею подать кусачки с настенного крюка. Он подцепил их пальцем, протянул мне; я перекусила петлю и освободила ножку.

Козленок слабо ткнулся носом в мою ладонь и замер, остывая.

Я сорвала с шеи свой любимый платок из тончайшего флорентийского шелка, насухо обтерла мордочку малыша, расстегнула пуговицы блузки и прижала ледяное мокрое тельце прямо к своей голой груди, спрятав под овчину штормовки.

Козленок почувствовал живое человеческое тепло, вздрогнул, глубоко вздохнул и уткнулся горячим влажным носом мне в ключицу, начав слабо посасывать край шелкового воротника.

Дед Матвей осел на чурбак, по его морщинистым щекам покатались слезы: — Бельш... Белянки нашей сынок, лучшей молочницы... Живой! Господи, дочка... Да ты святая душа! А я-то старый дурак тебя чинушей столичной величал...

— Котел остывает, Матвей! — прикрикнула я, чувствуя, как от тепла спасенного существа щемит в груди. — Где форсунка?!

Мы бросились к сундуку. На тяжелых проушинах цвета хаки с трафаретом «ЗИП-ОМВР-44» висел массивный латунный кодовый замок с четырьмя наборными дисками.

— Беда... — старик схватился за голову. — Шифр только Степка помнит! Я забыл... Бежать к нему — три минуты туда, три обратно, котел не поднимем!

— Тихо! Дай мне подумать! — я закрыла глаза.

В голове вспыхнули страницы банковского кредитного досье. Профессиональная память аудитора, натренированная удерживать тысячи цифр и дат, лихорадочно листала страницы. Вчера в гостинице я изучала копию военного билета Коршунова: наградной лист к ордену Мужества за разминирование моста под Пальмирой. Приказ командира саперного батальона номер сорок четыре. Дата: 14 августа 2018 года.

Четыре цифры. Месяц и день. Восьмой месяц, четырнадцатое число.

Я ухватила за мокрые латунные колесики: ноль — восемь — один — четыре.

Звонкий металлический шелчок разорвал шум дождя. Замок распался в моих руках.

Под тяжелой крышкой, уложенный в парафинированную бумагу, лежал эталонный комплект армейского ЗИПа: вороненые муфты высокого давления и запасная форсунка в латунном защитном колпачке с клеймом военной приемки.

— Нашла! — я выхватила тяжелую деталь.

В этот момент петля ворот сарая с визгом лопнула, тяжелая дощатая створка с грохотом захлопнулась от порыва ветра, заблокированная снаружи упавшей стропиной. Я толкнула створку плечом; за ней скрипнула стропилина.

— Бей ломом по петле, дед! Навались! — скомандовала я.

Мы ударили вдвоем: я вогнула острие лома в косяк, действуя как рычагом, а Матвей навалился плечом. Доска с треском разлетелась. Старик распахнул свой овчинный жилет, накрыв меня и козленка от секущего града: — Беги, дочка, прикрою!

Мы единым рывком перемахнули бушующий двор и ввалились в душную, пахнущую гарью котельную.

Степан стоял у вскрытого дизеля ЯМЗ. При свете налобного фонаря, по локоть в черном мазуте, он отчаянно пытался сорвать прикипевшую гайку коллектора. Лицо блестело от пота, на шее вздулись канаты жил.

— Где форсунка?! — прорычал он в темноту, склонившись над гайкой коллектора. — Еще минута — и варку потеряем!

Я подошла вплотную, перехватила его замасленную руку и силой вложила в его ладонь холодную запасную форсунку: — Держи свою форсунку, сапер.

Степан опешил, обернулся — и луч его фонаря ударил мне в лицо. Он замер. Перед ним стояла столичная ревизорша: растрепанные мокрые волосы, щека в саже и глине, босые грязные ступни на каменном полу, распахнутая брезентовая штормовка, а за пазухой шелковой блузки сладко сопел белый пушистый козленок.

Я осторожно опустила Бельша в соломенную корзину у дышащей кирпичным жаром печи, взяла поданную Матвеем сухую ветошь и укутала малыша.

— Ты... открыла рундук? — хрипло, почти шепотом выговорил Степан, и в его глазах вспыхнуло такое немое мужское потрясение, перед которым меркли любые похвалы столичных начальников. — Сама?

— Код ноль восемь четырнадцать. Дата твоего ордена, — устало выдохнула я. — Хватит болтать, Коршунов. Спасай свое молоко.

Оставив Бельша у печи, я повернулась к вскрытому дизелю.

Степан встряхнул головой, словно сбрасывая оцепенение, в два движения вставил запасную форсунку в головку цилиндра и затянул штуцер накидным ключом.

— Матвей, на подкачку! — рявкнул он, перескакивая через трубу в узкий отсек генераторной.

Я шагнула следом под жестяной навес пристройки. Ледяная морось хлестала сквозь щели. Степан несколько раз нажал рычаг ручной подкачки топлива. Заглохший дизель пах горячим маслом.

И тут же раздался тонкий, зловеющий свист.

Из-под защитного кожуха подающего шланга брызнула солярка. Струя попала на горячий коллектор выхлопа. Повалил удушливый белесый дым, запахло паленой резиной.

— Назад! — заорал Степан, бросаясь к монтажке. — Магистраль перебита! Соляра на глушаке! Сейчас вспыхнет!

— Стартер отключи! — крикнула я. — Топливо льется на коллектор!

В нише под генератором стояли два тяжелых танковых аккумулятора по сто девяносто ампер-часов. Я дотянулась до выключателя массы у аккумуляторного ящика и повернула рукоять. На лужу солярки падал свет фонаря; от горячего коллектора тянуло дымом.

Стартерное реле отключилось, но солярка продолжала литься из поврежденного шланга самотеком из верхнего бака.

Степан на животе протиснулся под раму, нащупал запорный вентиль топливного бака, но маховик прокручивался вхолостую — шлицы сорвало.

— Пассатижи с фиксатором, в правом кармане куртки! — хрипел он из-под мотора.

Я нащупала в кармане надетой на меня штормовки тяжелые зажимные пассатижи, вложила ему в руку. Степан намертво зажал граненый шток вентиля губками инструмента и с металлическим хрустом провернул его на полоборота. Поток иссяк.

Мы тяжело дышали в полумраке, перемазанные соляркой и гарью.

— Фонарь сюда, — глухо бросил Степан, вылезая из-под рамы.

Я направила белый диодный луч на поврежденный армированный шланг. На первый взгляд казалось, что резину разорвало гидравлическим ударом. Но я достала из кармана спиртовую салфетку, начисто протерла край среза и наклонилась ближе.

Нити оплетки были срезаны наискось вдоль одной линии. Резина под ними разошлась свежими острыми краями. Я провела фонарем вдоль шланга: прорезь шла снаружи внутрь.

— Шланг подрезали, Степан, — мой голос прозвучал тихо и пугающе отчетливо в шуме дождя. — Вот здесь. Почти до внутренней трубки. Расчет был на то, что при выходе на рабочее давление его сорвет, солярка брызнет на коллектор, и генераторная сгорит дотла вместе с сыроварней.

Степан замер. Его челюсти сжались так, что на скулах побелела кожа, а белый шрам стал багровым. Он медленно провел подушечкой пальца по внутренней кромке реза и вдруг нащупал что-то твердое в толще оплетки.

— Нож сорвался... — прошептал он. — Клинок закусило кордом, и кончик обломился.

Он достал свой саперный нож, поддел застрявший фрагмент и вытащил его наружу, уронив на раскрытую ладонь.

Это был вороненый обломок лезвия. На покрытии у основания уцелели часть оскаленной морды барса и несколько цифр клейма. Я узнала эмблему банковских охранников; принадлежность ножа предстояло установить.

ЧОП «Барс».

Глава 3

Я придвинула фонарь к обломку. Это был знак того самого карманного ЧОПа, который охранял центральный офис банка «Кредит-Инвест» на Новом Арбате и лично возил заместителя председателя правления Вадима Рябова. Я вспомнила проект коттеджного поселка на сорока гектарах хуторской земли. Если пожар был подготовлен его охраной, моя ревизия могла оказаться прикрытием захвата. От этой догадки стало холоднее, чем от дождя.

— Твари... — глухо, страшно уронил Степан, глядя на сталь. — За сыр ответите...

— Потом! — я вцепилась в его плечо. — Молоко в котле стынет! Давай саперную муфту!

Мы бросились обратно к шлангу. Латунный переходник из ЗИПа на ледяном ветру никак не желал входить в задубевшую от холода резину. Пальцы Степана закоченели от солярки, он срывал дыхание, пытаясь натянуть кордовую трубку.

Я встала на колени позади него, распахнула надетую на меня штормовку, укрыв моторный отсек от секущего дождя своим телом, просунула руки под его мышки, обхватила его онемевшие, исцарапанные пальцы своими горячими ладонями и начала жарко, часто дышать на них, согревая своим дыханием.

Степан замер на долю секунды. Между моими руками дернулось его плечо. Мое дыхание обожгло его кожу. Он шумно выдохнул, его пальцы налились чудовищной силой: латунный штуцер с глухим щелчком вошел в шланг до упора. Он накинул стальной винтовой хомут и трещоткой затянул его до хруста металла.

— Держится! Включай массу!

Степан открыл топливный вентиль, прокачал систему и проверил соединение. Я включила массу. По его кивку Матвей нажал кнопку стартера; Степан смотрел на шланг, держа под рукой огнетушитель.

Дизель чихнул, выбросил клуб сизого дыма, провернул маховик и с победным, сотрясающим гранитные стены ревом вышел на рабочие полторы тысячи оборотов!

В цеху вспыхнули яркие натриевые лампы, насосы ожили, стрелка манометра пара рывком ушла вверх.

Мы переглянулись, вытирая лица рукавами, готовые выдохнуть.

И в этот самый миг из варочного цеха раздался истошный треск электрической дуги, сноп ослепительных искр и густой клубящийся дым горелой изоляции.

Мы влетели в зал. Над трехтонным медным котлом судорожно дергался и чадил электродвигатель автоматической планетарной мешалки. После скачка напряжения двигатель встал. Степан отключил его от щита и откинул приводную раму, освободив место для весла.

Дед Матвей осел на колени перед котлом, обхватив голову руками: — Всё... Конец. Три тонны калье на дно легли. Через пять минут белок прикипит к меди и сгорит в угли. Вручную такую лавину не проверить ни одному человеку на земле...

Степан стоял у подножия помоста, глядя на застывающий молочный монолит, и в его глазах я впервые увидела тень обреченности.

— Ни одному, — сказала я, срывая с себя испорченный пиджак и оставаясь в одной мокрой блузке. — Но мы провернем вдвоем.

Я первой бросилась вверх по буковым ступеням трапа.

Ступени под босыми ногами были мокрыми; я ухватила за перила помоста.

Жар над котлом стоял невыносимый. Раскаленная медь дышала жаром, пар обжигал лицо, оседая на коже липкими сладковатыми каплями. Белковая масса стремительно расслаивалась: прозрачная зеленовато-желтая сыворотка поднималась к венчику, а на дно оседал вязкий, плотный пласт формирующегося сырного сгустка. Если зерно прикипит, сегодняшняя варка погибнет.

У помоста лежало тяжелое двухметровое дубовое весло с широкой перфорированной лопастью — старинная казачья мешалка, вытесанная из мореного комля.

Я вцепилась в полированную рукоять обеими руками. Дерево было ледяным, котел — раскаленным. Босые ступни намертво впились в мокрые рейки помоста. Я с яростным криком вогнула лопасть в глубь котла и навалилась всем телом.

Лопасть уперлась в донный слой белка, словно в застывающий цемент. Мышцы моих плеч обожгло чудовищной болью, в глазах потемнело. Но во мне разыгралась та самая упрямая, яростная кровь сибирских первопроходцев, которая спасала моего отца на завалах. Я уперлась коленом в деревянную стойку ограждения и рванула весло на себя.

Масса дрогнула. Донный пласт стронулся, и горячий молочный вал лениво пошел по кругу.

— Тяни, Алёна! По спирали тяни! — хрипел снизу дед Матвей, судорожно отслеживая стрелку термометра.

Я вела лопасть всем корпусом: толчок ног, наклон спины, короткий рывок к себе. Шелк блузки намок от пота и конденсата, намертво прилип к груди и животу, очерчивая каждую линию тела, но я продолжала тянуть. Перед глазами стояла только эта белая клокочущая бездна, которую нужно было победить.

Разрезанный до аварии сгусток расходился на зерна. На поверхности возникла правильная спиральная воронка, хлопья казеина округлялись, превращаясь в упругие эластичные шарики размером с пшеничное зерно.

И тут настенный термометр заверещал зуммером: датчик на паровой рубашке показал перегрев!

— Байпас перегрет! — закричал Матвей. — Рубашку паром давит! Охлаждение не открыто! Свернется белок в творог!

— Держи весло! — крикнула я старику, перекидывая рукоять в его дрожащие руки, и сбежала по ступеням помоста вниз.

В насосной нише за котлом стоял чугунный байпасный вентиль подачи ледяной родниковой воды из скважины. Маховик зарос белым налетом извести. Старик кричал, что его не открывали с весны.

Я сорвала со стены полуметровый разводной ключ, запрыгнула на бетонный цоколь, накинула губки на шток и повисла на рукояти всем телом, упираясь ногами в стену. Металл скрипнул, известковая окалина лопнула — и шток со свистом провернулся на два оборота.

Ледяная вода с глухим гулом хлынула в теплообменник. Стрелка температуры дрогнула, поползла назад и замерла на рабочей отметке. Матвей проверил температуру в самом чане: пятьдесят два градуса!

Я выскочила из ниши и взлетела обратно на трап. Дед Матвей уже оседал на колени, не в силах сдвинуть загустевшую трехтонную массу.

Я перехватила рукоять. Плечо после рывка в сарае прострелило болью. Руки дрожали, перед глазами плыли багровые круги, легкие разрывались от горячего влажного пара. Лопасть застряла в центре чана. Масса застывала.

— Не могу... — сорвалось с моих запекшихся губ.

И в эту секунду на трап взлетел Степан.

Степан встал вплотную за моей спиной.

Его широкая, раскаленная, каменная грудь намертво прижалась к моим мокрым лопаткам. Его тяжелые, шершавые ладони с мозолями сапера легли поверх моих одеревеневших пальцев на дубовой рукояти. Я оказалась в кольце его несокрушимого, яростного мужского тепла.

Весь мир — буря за окнами, рухнувший мост, долги, предательство банка — исчез. Остался только этот помост, бешено бьющееся о мою спину сердце Степана, запах его кожи, пропахшей дымом и сосной, и наши руки, спаянные на одном деревянном рычаге.

— Со мной, Алёна, — его хриплый, низкий шепот коснулся моего уха, обжигая щеку. — Дыши в такт. Тянем!

Он навалился вперед, ведя мои руки за собой. Непосильная тяжесть трех тонн молока растворилась в его богатырской мощи. Мы двигались как единое существо: вдох — толчок корпуса, выдох — плавный полукруг широкой лопасти. Наш общий ритм был безупречен, словно древний танец у священного огня. Мои пальцы под его ладонями горели живым огнем, по венам разливался пьянящий, всепоглощающий экстаз победы над стихией.

— Еще круг... — шептал он, и его подбородок касался моих волос. — Держись, родная... Еще три оборота... Мы взяли его!

Дед Матвей зачерпнул пробу массы медной перфорированной ложкой, сжал сырное зерно в кулаке, разжал пальцы и победно, со слезами заорал на весь зал: — Связалось! Пружинит, как резина! Зерно чистое, как жемчуг! Сливай сыворотку!

Степан мгновенно отпустил весло, сбежал по ступеням к донному фланцу котла и ухватился за рукоять шарового крана.

Он рванул рычаг — кран стронулся на четверть оборота и намертво заклинил.

— Зерно забило слив! — крикнул Степан. — Решетку придавило, кран закусил!

— Кран освободи! — крикнула я с трапа. — Мы с Матвеем зерно от решетки отведем!

Степан взял деревянный боек и коротко постучал по заевшей рукояти крана. Мы с Матвеем отвели зерно от сливной решетки. Степан нажал на рычаг еще раз.

Рукоять подалась. В сливном лотке заплескалась сыворотка!

Золотистая, прозрачная, горячая сыворотка мощным водопадом хлынула через донный кран в дубовые сливные лотки, уходя в дренажные емкости. А на перфорированном фальшдне чана открылось настоящее чудо.

Там лежала трехсоткилограммовая, ослепительно белая, сияющая жемчужная матрица упругого сырного зерна. Матвей сжал горсть зерна и одобрительно кивнул: партия выдержала аварийное вымешивание. Сырная масса легла упругим, гладким, жемчужным монолитом — чистое сырное золото высшей пробы.

— На столы! Живо! — скомандовал Степан.

Следующие сорок минут мы работали без единого слова, понимая друг друга по малейшему взгляду. В прессовочном отделении стояли массивные дубовые станки со стальными ходовыми винтами. Мы переносили горячую, пахнущую альпийским медом и сладким белком массу в перфорированные буковые формы.

Я выстилала формы стерильным льняным полотном, разравнивала зерно и трамбовала деревянным пестом, а Степан наваливался на крестовины винтовых прессов, затягивая чугунные ворота. Металл звенел от напряжения, из-под винтов тонкими струйками сбегала последняя прозрачная сыворотка.

Шесть будущих пятидесятикилограммовых кругов новой партии «Коршуновского резерва» встали под проектное давление в три атмосферы.

Партия была спасена.

Я отступила на шаг, покачнулась и бессильно опустилась на дубовую скамью у стены.

Руки мелко дрожали, на ладонях горели сорванные мозоли. Босые ступни ныли от каменного холода, мокрая блузка прилипла к телу, каштановые волосы растрепались, по щеке стекала капля сыворотки вперемешку с сажей. Но внутри меня, в самой глубине измученного тела, полыхало такое гордое, пьянящее, первозданное торжество. Оно распирало грудь, пока я смотрела на заполненные формы. Под прессами лежала наша спасенная варка. Утром Матвей откроет формы, Степан продолжит работу — и я увижу это.

Степан медленно подошел ко мне.

Он остановился, глядя на меня сверху вниз долгим, потемневшим от нахлынувшего чувства взглядом. А затем этот двухметровый могучий богатырь опустился на одно колено прямо на мокрый булыжный пол передо мной.

Он бережно, словно хрусталь, взял мои стертые, дрожащие ладони в свои огромные горячие руки, поднес к губам и тихо, с глубочайшим, проникающим в самое сердце волнением произнес: — Ты спасла мою жизнь, Алёна. Я уже смотрел на этот котел и прощался с варкой. А ты поднялась на помост.

Я смотрела в его серые глаза, чувствуя кожей шершавое тепло его ладоней. Я положила пальцы в его раскрытую ладонь и позволила себе опереться на него.

Степан снял с гвоздя чистый махровый рушник, бережно отер след сажи с моей щеки, поднялся и легко, словно пушинку, поднял меня на ноги, укутывая в свою сухую штормовку.

— Пойдем в дом, хозяйка, — негромко сказал он, обнимая меня за плечи. — Мост снесло. Ты остаешься со мной.

За окнами сыроварни бушевала горная ночь, река Белая ревела в каньоне, отрезав хутор от всего остального мира, а на дне сейфа лежал обломок вороненого клинка с эмблемой ЧОП «Барс» — улика, которая поможет проверить мои подозрения. Но сейчас между нами было только тепло спасенного очага, тихий шаг в полумрак старого дома и преддверие новой жизни, от которой уже невозможно было отступить.

Степан проводил меня во флигель. После теплого душа я легла под стук дождя по крыше. На стуле у постели Степан оставил свою рубашку; утром мне предстояло выйти к нему в ней.

Глава 4

Я открыла глаза и потянулась к привычному месту телефона. Пальцы встретили шероховатую доску тумбочки.

Надо мной высился сводчатый потолок из вековых сосновых плах, золотистых от янтарной смолы. Пахло сухим чабрецом, овечьей шерстью и прохладным ветром, пробивавшимся сквозь приоткрытую резную створку окна. Под тяжелым стеганым одеялом я вытянула ноги, прижала теплую ткань к щеке и лежала еще минуту. Ночной ад — грохочущий в темноте дизель, кипящий котел сыроварни, бешеный двухметровый вихрь молока под дубовым веслом и ледяная вода разрушенной переправы — казался полузабытым сном.

Но тело помнило всё. Мышцы рук и плеч ныли тугой, тянущей болью, на ладонях багровели стертые мозоли.

Я сбросила одеяло и опустила босые ноги на чисто выскобленные половицы. На спинке дубового стула аккуратной стопкой лежала чистая одежда: просторные холщовые брюки на шнурке и фланелевая рубашка в крупную темно-синюю и малахитовую клетку. Рубашка Степана.

Когда я надела рубашку и застегнула пуговицы, плотная, мягкая ткань пахла кедровой стружкой, речным ветром и терпким мужским теплом. Рукава пришлось подвернуть в три оборота, чтобы освободить запястья, а подол доходил мне почти до колен, превращая строго старшего ревизора департамента внутреннего контроля в угловатую девчонку. Я провела пальцами по деревянным пуговицам, выточенным вручную. Сердце предательски стукнуло под ребрами — горячо и неровно.

Скрипнула кованая защелка массивной двери. Я вышла на широкое бревенчатое крыльцо гостевого флигеля и зажмурилась.

Утро разорвало горизонт ослепительным хрустальным светом. Горный воздух после ночной грозы был так свеж и густ, что его хотелось пить большими глотками — влажная хвоя, талый снег с далеких вершин и горьковатый дух цветущей полыни.

Посреди мощеного булыжником двора стоял Степан.

На нем были только старые выцветшие армейские брюки цвета хаки и тяжелые юфтевые сапоги. Его торс был обнажен. Загорелая до оттенка темной бронзы кожа блестела на солнце мелким бисером испарины. Жилистые плечи и широкие пласты спинных мышц перекачивались тугими канатами при каждом движении. В руках он держал тяжелый колун с длинной буковой рукоятью. Взмах — и вековой буковый чурбак с глухим влажным треском развалился на две идеальные половины.

На правой лопатке белел длинный рваный шрам — память о разорвавшейся мине.

Доска под моей ногой негромко шелкнула. Степан опустил колун, вогнал лезвие глубоко в колоду и обернулся, вытирая лоб холщовой ветошью.

На миг его взгляд замер на мне. Серые, внимательные глаза окинули мою фигуру в его огромной рубашке, босые ступни на ступеньках, распущенные по плечам каштановые волосы. Воздух между нами словно сгустился. Он улыбнулся, разглядывая подвернутые рукава, и шагнул ко мне. Кровь бросилась мне в щеки.

— Доброе утро, Степан Андреевич, — нарушила я тишину, стараясь вернуть голосу привычную служебную сухость. — Надеюсь, моя служебная «Тойота» еще не уплыла в сторону Черного моря?

Суровое лицо со шрамом на скуле осветилось мягкой, обезоруживающей улыбкой.

— Доброе утро, Алёна. Жива твоя «Тойота», на том берегу на бугре стоит — Денис успел проскочить мост за полминуты до обрушения, да дальше сошедший сель дорогу завалил, вот

и оставил машину на возвышенности, а сам пешком до станицы ушел. А рубашка тебе идет. Будто всегда ее носила.

Он перекинул через плечо льняное полотенце и шагнул навстречу. Я машинально отступила на полшага к резным перилам, выставляя перед собой ладони:

— Не нужно церемоний. Я не барыня, привыкла ухаживать за собой сама. Где здесь умывальник?

— Здесь вода ледяная, — ответил он, снимая с гвоздя медный ковш. — Вода в рукомойнике из ледникового ключа, зубы сведет. Сейчас плесну теплой из печи. И попробуй вот это.

Он протянул мне брусок полупрозрачного янтарного мыла на деревянной подставке.

— Дед Матвей сам варит. Козье молоко, овсяная мука и дикая мята. Химию городскую смой, здесь она не нужна.

Я зачерпнула теплую воду из медного таза и поднесла ладони к лицу. Пена оказалась нежной, невесомой, как взбитые сливки, с тончайшим ароматом луговой прохлады. Когда я омыла лицо, кожу словно отпустило: исчезла въевшаяся за годы московская стянутость, пыль кондиционеров и бессонных мониторных ночей. Я вытерла щеки грубым льняным рушником и подняла глаза на очаг летней кухни.

Там, на чугунной решетке над горячими углями, шкворчала тяжелая сковорода: деревенские яйца с оранжевыми желтками, толстые ломти копченого сала и темные кружочки сушеных белых грибов. Рядом остывал круглый каравай подового хлеба с треснувшей хрустящей коркой.

— Степан, я пять лет держу строгий рацион, — покачала я головой, пряча проснувшийся аппетит. — Обезжиренный творог, сельдерей, зеленый чай без сахара. Мой желудок просто не примет такое количество жиров.

Степан тихо усмехнулся, снимая с огня медную турку с длинной деревянной ручкой:

— В Москве твой сельдерей, может, и работает. А здесь, на высоте тысячи метров, на траве долго не протянешь. Горы требуют топлива.

Он налил в массивную глиняную кружку черный, как смоль, густой кофе, а затем взял из крынки широкую деревянную ложку и щедро опустил в кружку две порции топленого козьего крема — густых, желтоватых, словно мед, сливок.

— Сделай глоток. Будет невкусно — я допью.

Я поколебалась, взяла теплую глиняную чашку обеими руками и осторожно пригубила напиток.

Плотная, бархатистая сливочная пена смягчила горькую крепость зерен, раскрыв удивительный букет: ноты жареного фундука, топленой карамели и дикого вереска. Вкусовые рецепторы взорвались чистым наслаждением. Я сделала второй, жадный глоток, а потом отломил дышащий паром ломоть карая.

— Божественно... — сорвалось у меня с губ прежде, чем включился внутренний аудитор.

— То-то же, — кивнул Степан, присаживаясь напротив на скамью и отрезая мне щедрый кусок белоснежного молодого шевра. — Ешь, Алёна. Силы тебе понадобятся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.